

Глава 23

Сторукий похититель брачных уз

Дань Фэна без всякой причины пробрал озноб.

— Ты говоришь, он — моя супруга?

— Не супруга? — потрясённо спросил Лоу Фэйгуан. — Неужели вы ищете мужчину?

— А?

— А?

Они на мгновение замерли, глядя друг на друга. Дань Фэн, ошарашенный этим абсурдным разговором, не успел даже толком осознать, что по умолчанию согласился с тем, что мужчина может быть «супругой». Он ухватился за другую странность в словах юноши:

— Юный друг, что значит «не видно»? А рост, телосложение? — Он задал этот вопрос прямо в присутствии Се Хунъи и даже начал обрисовывать в воздухе силуэт: — Он сидит за столом, фигура примерно такая...

Пальцы его замерли.

То самое странное, раздражающее чувство вернулось. Он смотрел прямо на Се Хунъи, но словно видел цветок в зеркале — никак не мог уловить и обрисовать его очертания.

Лоу Фэйгуан не понял, в чём дело.

— Конечно, не видно. Разве он не твоя тень?

От этих слов сердце Дань Фэна на несколько ударов замерло, а затем бешено заколотилось. Его взгляд намертво пригвоздился к лицу Се Хунъи, но тот оставался невозмутим. Он даже не шевельнул пальцами, которыми подпирал подбородок, и лишь в глубине его холодных, как осенняя вода, глаз мелькнула насмешка.

Дань Фэн понизил голос:

— Моя тень никуда не пропадала. Это ты занял её место... Вот почему я не сошёл с ума, как тот парень!

— Вы только что прибыли? — спросил Лоу Фэйгуан. — В городе творится много странного. Мы тут уже несколько дней блуждаем, но разгадали лишь малую часть загадок. Пока не окажетесь на грани жизни и смерти, ни в коем случае не входите в город. Эх, да что уж теперь говорить.

— К чему с ним болтать? — вмешался юноша, сидевший рядом. — Может, он сам смерти ищет.

— Байли! Мы ведь едва знакомы, не будь так резок.

— Ты, прислужник, смеешь меня учить? Ничего не знает и лезет куда не просят. Разве это не поиск смерти? — недовольно возразил Байли. — Что странного в тени? Уж не знаю, где ты нашёл себе такую «супругу», но явно не из праведного клана, иначе как можно не знать, что так называемая супружеская пара и есть тень?

— Хватит, Байли, вполне нормально, что он этого не знает, — Лоу Фэйгуан остановил своего спутника и объяснил: — Послушайте, друг. В этом городе «супружеские пары» бывают двух видов, вы, должно быть, уже сталкивались? Первый — когда вещь связывается с вещью, второй — когда человек с человеком. Это избавляет от многих хлопот, но и гораздо опаснее. Мы тут сидим тише воды, ниже травы, именно по этой причине. После совершения обряда вы, как и ваш... ваш супруг, будете связаны красной нитью, неразлучны, как форма и тень.

Форма и тень неразлучны!

Эти слова, словно раскат грома, прогремели в ушах Дань Фэна, и тут же в памяти всплыла пронзительная Песнь расчёсывания волос. Все непонятные до этого моменты вдруг прояснились.

«Разлучить шпильки, соединить заколки, форма и тень вновь сойдутся, желаю новобрачным в этом мире быть в согласии, как это зеркало».

Мелкие пометки в Записях «Внимая небесной радости».

«В мире бесчисленны глупые мужчины и обиженные женщины, что желают быть неразлучными, как форма и тень...»

Воссоединение формы и тени, неразлучность... коренья мандрагоры в аптекарской корзине, сплетающиеся друг с другом... и Се Хунъи, невесомый, словно призрак, рядом с ним.

Он-то думал, что это лишь пустые клятвы и проклятия, но теперь стало ясно: эти слова, искажённые силой Божества, занимающего пустующий престол, имели вполне конкретный смысл.

Стоит лишь связать себя узами брачной красной нити, и один из пары станет тенью другого.

Форма и тень. Воистину, самые нерушимые узы в мире.

Лоу Фэйгуан почесал затылок.

— Байли, ты давно догадался? Я-то думал, ты, как и я, только в прошлый раз...

Лицо Байли залилось гневным румянцем.

— Заткнись!

— В прошлый раз у нас отняли Парные рыбы, и нам пришлось искать людей для союза. Это было смертельно опасно, — с содроганием вспоминал Лоу Фэйгуан. — В тот момент, когда союз был заключён, я вдруг почувствовал себя очень лёгким, словно меня мог унести ветер. Удар меча, летевший прямо в меня, прошёл мимо. Позже я понял, что стал тенью другого человека. А вот Байли не повезло, он стал формой и всю дорогу получал тумачи, наверное, полведра крови выплюнул.

— Лоу Фэйгуан, когда мы выберемся из города, я тебе язык вырву... — прошипел Байли.

Лоу Фэйгуан рассмеялся.

— Неужели? А ведь в этот раз мне придётся быть формой для Сяо Лин.

— Смотри у меня, будь умнее, — сказал Байли. — Не перепутай шаги. Если из-за тебя моя сестра станет формой... нет, если хоть один её палец пострадает, я тебя измельчу и на лекарства пушу!

— А от меня есть какая-то польза в лекарствах? — удивился Лоу Фэйгуан.

Пока они препирались, взгляд Дань Фэна был прикован к Се Хунъи. Он вдруг усмехнулся, и его клыки, обнажившись, хищно блеснули.

— Форма и тень неразлучны, да?

— Не уверен, что произошло?

— Использовал меня как живой щит? С чего это вдруг я оказался формой, принимающей удары? Куда ты пропадал, что успел проверить?

Три вопроса, один за другим, прозвучали всё более враждебно, но Се Хунъи лишь равнодушно ответил:

— А ты не знаешь?

— Откуда мне знать? У тебя, градоначальник Се, тысячелетний опыт или лисий хвост?

Взгляд Се Хунъи скользнул по его запястью, где всё ещё виднелся синяк, оставшийся от вывиха. Это выглядело особенно укоризненно. Дань Фэн вспомнил о стеклянных иглах в его шее и, хоть и кипел от ярости, не мог не сдержаться. Перед ним был бумажный человек — одно неверное движение, и он сгорит без следа.

— Я мог бы стать формой, — сказал Се Хунъи. — Но тогда — смерть формы, рассеяние тени.

— Хватит уже, не вреди мне, фарфоровый бодхисаттва. Я буду тебя беречь. Вот, съешь фрукт, — сказал Дань Фэн и потянулся к медному подносу с персиками. Но не успел он дотронуться, как поднос молниеносно отъехал в сторону, а персики на нём подпрыгнули.

— Не даёшь? — удивился Дань Фэн и увидел, как Куньлуньский раб, держа поднос, вскочил на ноги и закатил свои зелёные глаза. — Чёрт!

Медный поднос, обойдя его, подплыл к Се Хунъи. Куньлуньский раб низко поклонился, коснувшись лбом носка его туфель. Се Хунъи поднял бровь, и раб, не смея наглотать, отполз на коленях на несколько шагов назад, прошипев:

— Эта госпожа...

— Вон, — тихо бросил Се Хунъи.

Лицо раба мгновенно вспыхнуло. Он вдруг поднял три пальца и указал на медное зеркальце среди ожерелий на своей шее.

Бам!

Дань Фэн хлопнул ладонью по столу.

— Эй, чёрный друг, ты что-то зарвался. Что за немые сцены? Дай и мне послушать.

— Он хочет украсть твою тень, — сказал Лоу Фэйгуан. — Ты что, не видел представление в театре теней? Три пальца — это третья стража. Зеркало — полнолуние, время летать по крышам...

— Не так-то это просто. То, что сам бодхисаттва не может развязать, он развяжет?

— Развязывать не нужно, — сказал Байли. — Он убьёт мужа и заберёт жену.

— Он? Пусть попробует, — бросил Дань Фэн.

— Он нарочно, советую тебе его не трогать, — сказал Байли. — Иначе, когда погаснут фонари...

Тем временем Куньлуньский раб снова бросил взгляд на Дань Фэна, провёл рукой по шее, а затем — ниже пояса.

Всё произошло в мгновение ока. Дань Фэн вскочил и ногой отшвырнул раба прочь.

Тот, видимо, привыкший к побоям, приземлился на руки и ноги, вскочил, как ни в чём не бывало, отряхнулся, и десятки маленьких золотых барабанчиков на его поясе зазвенели.

Лоу Фэйгуан, проследив за траекторией его полёта, сказал:

— Ты пропал, друг.

Все гости вокруг отодвинулись на несколько шагов.

Дань Фэн не обратил на это внимания и повернулся к Се Хуньи:

— Градоначальник Се, у вас громкая слава. Так и притягиваете всякую нечисть?

— Если часто ходить по ночам, неминуемо встретишь призрака, — холодно ответил Се Хуньи.
— Теперь он привязался к тебе. Рад?

Скрип-скрип-скрип!

Фонари по углам зала замигали.

В темноте мелькнула огромная тень. Даже острое зрение Дань Фэна не могло охватить её целиком. Он понял лишь, что тень, пользуясь миганием света, кружится в танце между столами.

Когда гас свет, земля дрожала под её ногами, словно на пир явился гигантский дух. Золотое кольцо звякнуло, и тень оказалась позади него. Одна лишь её ступня была размером с бочку. Густой аромат перца и сандала не мог перебить запах крови, исходивший от неё.

Этот тошнотворный запах Дань Фэн ощущал лишь от самых кровожадных хищников, но даже

он не был таким зловещим. Словно тень веками питалась кровью, обретая ужасающую божественность.

Когда свет зажётся, перед ними стоял лишь Куньлуньский раб, покорно опустив руки. Его глаза испуганно косились, словно всё произошедшее было лишь иллюзией.

Очевидно, этот раб мог принимать свой истинный облик лишь в темноте. При свете он был всего лишь слугой.

Дань Фэн уже прикинул несколько планов действий, когда снаружи раздался оглушительный грохот. Фонарь с треском ударился о стену башни.

Бум!

Земля содрогнулась, двери и окна распахнулись.

Фонари по углам погасли все до единого.

Тень. Старый друг, как же иначе.

Уголок рта Дань Фэна дёрнулся.

— Хрупкие фонари, — он опёрся локтем о стол и повернулся к Се Хуньи. — Неудивительно, что ты выбрал это место. Когда гаснет свет, тень не может так просто ворваться внутрь.

— И ты считаешь, что это хорошо? — спросил Се Хуньи.

— Конечно. Не хочу быть зажатым с двух сторон. Со старым другом нужно разбираться в уединённом месте, — сказал Дань Фэн, отводя взгляд от главной угрозы. — А что до нечисти, что пришла позже, почему бы не сразиться...

Его слова оборвались.

Он наконец разглядел тень, пролетевшую у него над головой. На бёдрах её была лишь повязка из золотых барабанчиков, а и без того рельефные мышцы были покрыты блестящей золотой пудрой, что придавало ей вульгарный вид.

Словно уловив взгляд Дань Фэна, Куньлуньский раб, кувyrкаясь в воздухе, сложил руки под грудью и трижды встряхнул ими. Из глубокой ложбинки между грудными мышцами вырвался сноп золотой пудры, и в темноте это было похоже на то, как небесная дева разбрасывает цветы.

Дань Фэн помолчал, стёр с лица золотую пудру и схватился за воротник.

— ...И это всё, чем ты можешь похвастаться? Я, знаешь ли, могу голым торсом жонглировать горящими кувшинами. Думаешь, испугал?

— Успокойся, — сказал Се Хунъи, приложив руку ко лбу.

— Не волнуйся, у меня нет масла, просто предчувствие нехорошее, — сказал Дань Фэн, крепко обматывая красную нить вокруг запястья Се Хунъи и даже, несмотря на его недовольный взгляд, завязывая узел. — Он ведь не таким способом уводит жён? Раз он так долго промышляет в этом заведении, мне трудно не заподозрить твои вкусы, градоначальник...

— Так что, градоначальник Се, давай договоримся. Хоть я и был бы рад, если бы ты нашёл себе другую партию, но этот тип слишком зловещий, он тебе не пара. В народе говорят, у побега с любовником два исхода. Первый — сговориться и убить мужа. Не волнуйся, я тебя с собой на тот свет утащу. А второй — поиграет и бросит. Если этот тип тебя прикончит, мне будет жаль, и я смогу лишь...

Се Хунъи поднял руку, но замер.

— Что ещё за бред ты несёшь?

— О твоей жене я позабочусь! — искренне ответил Дань Фэн.

Се Хунъи схватил его за шею и с глухим стуком приложил головой о стол.

Эту сцену, очевидно, заметил Куньлуньский раб. Завершив свой танец, он приземлился в центре зала, низко поклонился во все стороны и произнёс странным, жалобным тоном:

— Я показал вам своё скромное искусство. Все вы, господа, знатные люди, у вас множество жён и наложниц. Но брак предначертан небесами, и богатство не может его изменить. Я осмелюсь просить вас вернуть моему господину его возлюбленную...

— Господину? А не себе? — удивился Дань Фэн.

Куньлуньский раб вдруг прослезился.

— С последней встречи господин мой ни ест, ни пьёт, тоска снедает его, он почти превратился в призрака. Хун Сяо здесь?

В темноте раздалось множество тонких женских голосов:

— Здесь...

— Клятву, данную в третью стражу под луной, перед зеркалом на башне, помнишь ли?

Множество голосов Хун Сяо ответили хором:

— Помним, помним. Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости был нам сватом, и мы увидели своего господина. Не смеем забыть.

— Хорошо! Получив обещание госпожи Хун Сяо, — с пафосом произнёс Куньлуньский раб, — я, служивший господину тринадцать лет, хоть и уродлив, но искусен в прыжках и воровстве, готов рискнуть жизнью, чтобы похитить госпожу и унести её на спине. Не пугайтесь, госпожа, чтобы не потревожить господина.

Потревожить?

Дань Фэн оглядел враждебно настроенных гостей. Его спина напряглась, но Се Хунъи удержал его.

— Чему смеёшься? Думаешь, ты здесь просто зритель?

— Забавно и странно, почему бы не посмеяться? Этот тип вдруг стал таким серьёзным, словно перенёс сцену театра прямо в зал...

Се Хунъи указал на театр теней.

— А разве нет? Сейчас начнётся.

— Благодарю за помощь, доблестный воин. Я не забуду сегодняшнего побега, — сказала Хун Сяо.

Красные тени метнулись во все стороны и растворились в темноте.

Маслянистое выражение исчезло с лица Куньлуньского раба. Он сложил ладони, воздел их к небу, и его тело несколько раз перевернулось в воздухе, словно гигантская змея, сбросившая кожу. Освободившись, он вырос до невероятных размеров.

За его спиной одновременно появилось несколько сотен рук. Сначала они теснились, сбившись в кучу, мускулистые, с золотыми браслетами на запястьях, издавая леденящий душу звон. Но вдруг, словно привлечённые чем-то, они устремились во все стороны.

Все гости вскочили и принялись отчаянно колотить ладонями по столам. Теперь-то он понял, откуда доносился грохот в Переулке Эха.

Руки Куньлуньского раба двигались с разной скоростью. Одни едва показывали пальцы, другие высовывались наполовину, а некоторые были невероятно быстрыми, устремляясь к столам гостей.

Никто не хотел попасть под удар, и стук по столам усилился. Руки раба дюйм за дюймом отступали.

Более сотни рук извивались, как клубок змей.

Очевидно, удары по столам замедляли движение рук Куньлуньского раба!

Но это была лишь временная передышка.

Если и была какая-то разница... все били по столам с разной скоростью и силой. Через некоторое время слабые оказались в тени гигантских рук. Как бы отчаянно они ни колотили, им удавалось лишь немного замедлить их, и вскоре они были поглощены грохотом, доносившимся со всех сторон. Их отчаяние было видно невооружённым глазом.

Эта сотня свадебных обрядов была не просто борьбой за выживание с Куньлуньским рабом, но и соревнованием между гостями. Только так можно было спастись!

В темноте.

Книга «Записи «Внимая небесной радости»» быстро перелистывалась.

Изображение Бодхисаттвы Внимающего Небесной Радости по-прежнему насмешливо улыбалось, но под его тронном появилось изображение Куньлуньского раба, чьи сто рук отбрасывали тёмные тени, а лицо искажала гневная гримаса.

— Я не слышал о такой пьесе. Просветишь? — сказал Дань Фэн.

— Редкая пьеса. В мире смертных она утеряна, сохранилась лишь в этом театре теней, — ответил Се Хуньи.

— Редкая? Значит, ценность этого парня возросла? Неудивительно, что он превратился в духа.

— Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости очень благоволит ему. Он опасен, будь осторожен, — сказал Се Хуньи.

Самым известным деянием Куньлуньского раба, или Молэ, было то, как он убил злых псов, перелез через высокую стену, позволив своему господину Цуй Шэну встретиться ночью с наложницей высокопоставленного чиновника, Хун Сяо, а затем унёс их обоих на спине, подарив им украденную любовь.

Так повторялось тысячи раз, и эта теневая марионетка пропиталась семью страстями и шестью желаниями. Каждый раз, когда зрители волновались, каждый раз, когда они выкрикивали его имя, Куньлуньский раб обретал частичку разума, словно получая подношения, и превратился в маленькое божество, ведающее браком, пока его не приметил Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости.

И всё окрасилось в зловещий кровавый цвет.

Верный слуга остался верным слугой, а доблестный воин — доблестным воином.

Но гостям досталась роль того самого чиновника.

С того момента, как они вошли в башню, их заставили надеть чиновничьи одежды. Стоило Куньлуньскому рабу бросить на них взгляд, как он тут же принимал подобострастный вид, но кто не видел, что таилось за его зелёными глазами?

Он всё время искал Хун Сяо.

Где Хун Сяо?

Бодхисаттва Внимающий Небесной Радости не щадил и своих подчинённых. Этот раб был уверен, что Хун Сяо — та, что совершает обряд с гостями. Он испробовал все средства, и к середине церемонии впал в безумие, его жажда убийства стала леденящей.

Гости едва могли защитить себя, им ещё нужно было найти время для совершения обряда.

На страницах «Записей «Внимая небесной радости»» быстро появлялись новые строки.

«Свиток свадебных обычаев, глава шестая. Обряд слияния душ при оскверняющей тени».

Обряд слияния душ — единение супругов. Большая тыква-горлянка символизирует верность. После трёх обменов чашами форма и тень встречаются в нефритовой башне. Если оскверняющая тень окутает тебя, ударь по столу, чтобы отогнать её. Не дай иллюзиям обмануть себя, не ошибись в том, кто перед тобой!

Неподалёку.

Лоу Фэйгуан отчаянно колотил по столу. Рукава его рубашки задрались до плеч, обнажив крепкие, загорелые руки.

Хоть он и обладал духовным корнем ветра, он был мечником и в Союзе Бессмертных выполнял самую тяжёлую работу, отчего обрёл недюжинную силу. Обычный стол давно бы разлетелся в щепки, но как бы он ни старался, звук его ударов тонул в общем грохоте.

Гигантская рука перед ним двигалась всё более непредсказуемо.

Это было похоже на странный, ужасающий танец. Запястья изгибались, ладони порхали, словно из сотен рук вылетела стая плотских бабочек. В темноте он видел лишь золотую пудру на контурах ладоней, сливавшуюся в ослепительное, колышущееся сияние. Глаза жгло от пота, но он не смел даже моргнуть, боясь, что стоит ему отвлечься, и ладонь окажется прямо перед его лицом.

Из-за Техники сжатия тени ударом по столу руки сторукого демона не могли полностью выпрямиться, поэтому они двигались повсюду, ища малейшую паузу в стуке.

Каждый палец извивался, как живой, становясь всё тоньше и длиннее, нависая над его лицом.

Он даже чувствовал запах крови, смешанный с ароматом благовоний.

Нет, слишком близко, нужно быстрее, ещё быстрее!

Бум-бум-бум-бум-бум!

Все изо всех сил колотили по столам, пытаясь вырвать себе путь к жизни из-под носа у соседа.

Кроме стука, слышны были лишь крики.

— А-а-а-а!

Кто-то допустил ошибку и был схвачен. Не раздалось даже хруста костей. Когда Куньлуньский раб отдёргнул руку, в ней болталось что-то, истекающее кровью, похожее на гранатовое платье.

Не на одной руке висели такие кровавые платья.

Вот что ждало тех, кто становился Хун Сяо.

Лоу Фэйгуан сглотнул.

— Беги, чего застыл? — мысленно прокричал Байли Шу. — Сяо Лин слабая, она долго не продержится, а ты ещё не совершил с ней обряд?

— Знаю! — ответил Лоу Фэйгуан.

— Меньше слов! — рявкнул Байли Шу.

Он был нанят для защиты брата и сестры и, естественно, выполнял свой долг. Все трое пометили друг друга порошком, так что найти их было нетрудно. Девушка, зажатая в толпе гостей, уже спешила к нему, её рукава тоже были засучены до плеч. Годы, проведённые за приготовлением лекарств, давали о себе знать — гигантская ладонь перед ней даже как-то обиженно сжалась.

— Сяо Лин в порядке, — сказал Лоу Фэйгуан.

— Кто позволил тебе на неё заглядываться? — разозлился Байли Шу.

— Она бьёт очень быстро! За собой лучше смотри, ты ещё не расплатился за охрану.

Байли Шу сильно пнул его в спину. Лоу Фэйгуан, предупредив свою подопечную, зачерпнул из винного ручья и схватил ковш.

Обряд был несложным: нужно было выпить три чаши вина с одним и тем же человеком, чтобы стать супружеской парой.

Вторая чаша!

Ковш был грубым, с червоточиной — это был счастливый знак, который он нашёл. Пара ковшей была сделана из одной тыквы и чувствовала друг друга.

Байли Шулин, очевидно, поняла его. Когда они поравнялись, оба одновременно наклонились, чтобы выпить.

В этот решающий момент холодный запах вина коснулся его губ, но его взгляд был прикован к гигантской руке перед ним, а левая рука, колотившая по столу, вздулась от напряжения.

Бум-бум-бум-бум-бум!

Хватит, такого расстояния достаточно, чтобы допить эту чашу.

Выпить половину, а затем обменяться.

Он уже собирался выпить из ковша Байли Шулин, как что-то мягкое опустилось ему на плечо. По обнажённой коже пробежали мурашки.

Это прикосновение... пять лёгких пальцев, слегка шевелящихся, — это была кожа с ладони!

В памяти тут же всплыла сцена, где Куньлуньский раб срезает кожу со своей ладони. Он же отбросил её далеко, как она могла его догнать?

Лоу Фэйгуан похолодел от ужаса, но всё же успел повернуться к Байли Шулин, чтобы крикнуть ей бежать.

Но слова застряли у него в горле. Его лицо застыло.

Кто-то пил его вино.

Из гигантской ладони перед ним вдруг показалось бледное, бумажное лицо учёного с впалыми щеками. Он вытянул длинную шею и пил из его чаши.

Это был Цуй Шэн!

Куньлуньский раб делал всё, чтобы его господин Цуй Шэн выпил эту чашу.

Байли Шулин, державшая ковш, очевидно, была одурманена иллюзией и не понимала, что пьёт с призраком.

— Не пей, это не я! — закричал Лоу Фэйгуан.

Если она выпьет с Цуй Шэном, то станет Хун Сяо, и её ждёт верная смерть. Девушка превратится в кровавую тeneвую марионетку, вечно висящую на руке сторукого демона, танцующая с бумажным учёным...

Он забыл про стол и бросился отнимать ковш. Техника сжатия тени тут же развеялась, и гигантская ладонь, больше не сдерживаемая, устремилась к нему. На мгновение он погрузился во тьму...

Всё произошло в мгновение ока. Гигантская ладонь была отсечена ударом клинка и отлетела в сторону.

Глаза Лоу Фэйгуана вспыхнули. В его голове была лишь одна мысль.

Градоначальник Се пришёл!

Обычно, стоило пережить первую чашу, как появлялись градоначальник с супругой. Сторукий демон, по своей старой привычке, шёл срывать с невесты фату, и тут же лишался всех рук. После этого совершить обряд было проще простого. В этот раз было опасно, но они всё же дождались градоначальника.

Гигантская ладонь упала на пол. Мимо него пронеслась крепкая фигура. Золотая пудра на его лице и яркий золотой свет в глазах выдали его.

Это был не градоначальник Се, а тот самый неудачник, что вошёл в башню с супругой!

Он отрубил руку сторукому демону?

У Лоу Фэйгуана волосы встали дыбом.

— Беги! — закричал он. — Думаешь, почему никто не рубит ему руки?

— Уже знаю, — не оборачиваясь, ответил тот.

За его спиной несколько отрубленных рук, а также десятки новых, тонких, призрачных рук, выросших из них, словно клубок змей, устремились вперёд, разрастаясь на ветру, заслоняя небо. Словно в башне появился ещё один сторукий демон.

— Друг, повезло тебе, — пробормотал Лоу Фэйгуан.

— Он трогал чужую жену, — без обиняков сказал тот. — Разве не заслужил?

— Ты его отрубил, так у него теперь ещё больше рук, чтобы трогать твою жену!

<http://bllate.org/book/16978/1586053>